

Aloe, Stefano

Джованни Де Рубертис и другие итальянские корреспонденты В.В. Макушева

Slavica litteraria. 2012, vol. 15, iss. Supplementum 2, pp. [11]-31

ISSN 1212-1509 (print); ISSN 2336-4491 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/125932>

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

СТЕФАНО АЛОЭ

ДЖОВАННИ ДЕ РУБЕРТИС И ДРУГИЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ В. В. МАКУШЕВА

Абстракт

Статья посвящена итальянским контактам В.В. Макушева, первого слависта, проявившего профессиональный интерес к архивам Италии. Макушев связывался в это время (1868–1871) со многими итальянскими деятелями культуры, используя их помощь в своих исследованиях. Особо интересной представляется его поездка в южно-итальянский край Молизе для ознакомления с поселениями «молизских славян»: он был первым славистом, который посетил этот славянский языковой анклав. Там его встретил Дж. Де Рубертис, представитель и популяризатор культуры молизских славян. Впервые публикуются два письма Де Рубертиса к Макушеву.

Ключевые слова

В. В. Макушев ■ Дж. Де Рубертис ■ Славяноведение ■ Италия ■ Молизские хорваты

Abstract

The paper is dedicated to the Italian correspondents of V.V. Makušev, the first slavist who chose Italian archives for his researches (1868–1871). Makušev issued in Italy a plenty of historical documents; meanwhile he took contacts with several Italian men of culture who helped him in his issues. Makušev's journey to the Southern-Italian region of Molise was particularly interesting, for he was the first slavist who visited the "Molisean Slavic colonies". In Molise he met G. De Rubertis, the mean representative of the language and culture of that old Slavic insula. Two De Rubertis' letters to Makušev are firstly published here.

Key words

V. V. Makušev ■ G. De Rubertis ■ Slavistics ■ Italy ■ Molisean Croats

Славяноведение в Италии – явление позднее, сформировавшееся на научном уровне лишь в первой четверти XX века. Ранее исследователи обращались к этой теме лишь эпизодически. Монографии

об истории итальянского славяноведения, в целом, по сей день нет.¹ А архивы и библиотеки итальянских городов чуть ли не в последнюю очередь заинтересовали славистов, много позже того, как слависты приступили к систематическим исследованиям архивов и библиотек в славянских и германских странах, а также в странах Балканского полуострова. Это достаточно удивительно, если иметь в виду важнейшие историко-культурные контакты, связывавшие со славянским миром Ватикан, Венецию и, в меньшей степени, другие государства итальянского полуострова в течение столетий. В XIX веке слависты разных стран, как правило, не обращались к фондам, хранящимся в городах Италии, а итальянских славистов, несмотря на большую филологическую традицию, еще не было.

Отдельные случаи не в счет,² тем более, что они относились к периоду до объединения Италии (1861 г.) и касались, преимущественно, городов (кроме Рима), в то время принадлежащих Австро-Венгрии, т.е. геополитической и культурной среде, в которой славянские вопросы были особо актуальными; но впрочем, и города «Ломбардо-Венецианского Королевства» с их архивами, – будь то миланская Библиотека Амброзиана, будь то венецианская Марчана, – занимали периферийное положение для славистики. И Резианская долина, столь привлекательная для славянских лингвистов, была частью Австрии. Известно, что в неосуществленных планах российского слависта О.М. Бодянского, во время его научной поездки 1837–1842 гг., предусматривалось и посещение Италии (Ягич 1910, 314–319): Бодянский был, пожалуй, первым, кто предвидел историческое значение Италии для славистики. Частично познакомился с Италией в своем научном путешествии В.И. Григорович в 1846 году, когда ненадолго посетил Венецию и Триест (Ягич 1910, 341–342; Бернштейн 1979, 132). Но в общем Италия не стала специальной целью архивных исследований ни для него, ни для последующих славистов, путешествующих в этот период по Европе.

¹ Тема, разумеется, отдельными частями изучена в разных работах. Для более или менее обширного очерка истории славяноведения и славянской филологии в Италии, см. Cronia 1958 (в том, что касается дисциплины с ее начала до 50-х гг. XX века) и Dell'Agata 1994 (касательно периода с 1940 по 1990).

² Такими можно считать, напр., филологические исследования Карло Оттавιο Кастильони древнеславянским памятником *Glagolita Clozianus*, польские исследования Себастиано Чампи, работы о южных славянах Франческо-Мария Аппендини и др. (Bonazza 1980, 97–102; Bonazza 1982).

Ситуация изменилась только после объединения Италии, причем мгновенно: ключевым становится случай посещения Библиотеки «Аркиджинназио» (тогда при Болонском Университете) профессором и консулом Италии в Санкт-Петербурге Микэланджело Пинто в 1867 г., по поручению Российской Императорской Академии Наук. Целью поездки М. Пинто в Болонью было ознакомление с известным древнеславянским памятником, *Болонской Псалтырью*, и ее описание. Значение *Псалтыри* было отмечено еще в XVIII веке, когда впервые издал фрагменты из нее итальянский эрудит – кардинал Никколо-Мария Антонелли (1746); а в середине XIX века она снова заинтересовала филологов. Отчет об этом памятнике, составленный Пинто, был им, при возвращении в Петербург, передан И.И. Срезневскому как самому выдающемуся российскому славяноведу. Не исключено, и даже очень вероятно, что мысль собрать информацию о *Болонской Псалтыри* подал сам Срезневский, который для этого мог воспользоваться научной командировкой Пинто в Италию. Следует также заметить, что Срезневский и Пинто были коллегами по университету (Алексеев 1962). Так или иначе, услуги Пинто оказались весьма результативны: ознакомившись с доставленным материалом, Срезневский подтвердил свой интерес к *Болонской Псалтыри* и уже через итальянского коллегу обратился к министру просвещения Италии Эмилио Брольо с просьбой на время прислать рукопись в Петербург с целью ее детального изучения. Это и состоялось между 1867 и 1868 годами. *Болонская Псалтырь* была изучена Срезневским, который вскоре опубликовал ее научное описание,³ и по истечению назначенного срока – в первой половине 1868 года – она благополучно вернулась в Библиотеку Аркиджинназио (Guida 1998, 119; 129–130).

Вслед за этим случаем плодотворного сотрудничества между научными учреждениями двух стран, в том же 1868 году из Петербурга был командирован в Италию новый магистр славянской словесности Викентий Васильевич Макушев для изучения архивов и библиотек и извлечения из них материалов по истории славян. Таким образом,

³ Ср. Aloe 2008. Черновик письма Срезневского к Брольо хранится в Российском гос. архиве литературы и искусства в Москве (РГАЛИ, ф.436). Срезневский никогда не готовил к изданию *Psalterium Bononiense*, он его только подробно описал в перечне древнеславянских памятников (Срезневский 1868; Срезневский 1879). После Срезневского этим памятником занимались его сын, В.И. Срезневский, и В.И. Щепкин, а еще в 1869 году его просматривал итальянский филолог и знаток славянских языков Эмилио Теза (Дуйчев 1968, 3–41).

Макушев оказался первым славистом, направившим свои исследования на изучение итальянских архивов (Макушев 1870; Макушев 1874). Его пребывание в Италии длилось три года (с февраля 1868 до марта 1871 года).⁴

Есть основания предполагать, что петербургское «путешествие» *Болонской Псалтыри* и командировка Макушева – события, тесно между собой связанные; а связующим «звеном» между ними был, по всей вероятности, И.И. Срезневский, наставник и научный руководитель Макушева. Если это предположение верно, то Срезневский стал зачинателем систематического интереса к Италии в славяноведении. Выбор Макушева для этой роли также отнюдь не случаен: нельзя даже исключать, что именно у этого ученика могла зародиться идея заняться болонским памятником. Дело в том, что после окончания Санкт-Петербургского университета в 1860 году, Макушев несколько лет находился на дипломатической службе, и в 1862 году был назначен секретарем российского консульства в Дубровнике. В этой должности он до 1866 года остался в двуязычном Дубровнике, где его знания итальянского и сербскохорватского языков усовершенствовались. Имея доступ к богатым архивам бывшей Рагузской республики, он и приступил к архивным исследованиям. Таким образом, когда Макушев в 1866 году, отказавшись от дипломатической карьеры,⁵ подал в отставку и вернулся в Россию, он посвятил себя исключительно науке и в следующем году на основе исторических материалов, собранных в Дубровнике, защитил магистерскую диссертацию. Эти перемены готовились задолго, и письма Макушева к Срезневскому из Дубровника свидетельствуют о полной осведомленности учителя о планах ученика и его содействии в их реализации.⁶

⁴ Литература о Макушеве невелика. Самой значительной и полной работой о нем является глава из книги Л.П. Лаптевой (Лаптева 2005, 595–668), где можно найти и полную библиографию по теме.

⁵ Но Ягич дает его уходу с дипломатической службы другое объяснение: «в ранние годы развилось в нем пристрастие к вину, которое долго продолжалось, с дурными последствиями для его здоровья», о чем Ягичу лично рассказывали Иван Аугуст Казначич и другие ученые, познакомившиеся с Макушевым во время его пребывания в Дубровнике (Ягич 1910, 574–575).

⁶ Так, в письме из Дубровника от 14/26 апреля 1864 г., Макушев писал: «Рагуза мне до крайности надоела, и я начинаю помышлять о возвращении своем на родину, – но не с пустыми руками, а с магистерскою диссертациею по Истории Внешних Сношений Рагузской Республики»... (В.В. Макушев, Письмо И.И. Срезневскому, Рагуза, 14/26 Апреля 1864. РГАЛИ, ф.436. оп.1. д.1282).

Все эти обстоятельства отчетливо объясняют, почему инструкция, написанная в 1868 году в связи с командировкой Макушева, была, по словам Л.П. Лаптевой, «несколько необычной» (Лаптева 2005, 605). В инструкции было подчеркнуто, что помимо Европейской (балканской) части Оттоманской империи, «другая страна, мало исследованная славистами, есть Италия, богатая библиотеками и архивами, в которых уже *найден* или, по крайней мере, *отмечено* (*курсив мой* – С.А.) много памятников, важных для литературы и еще более для истории славян, и кое-где есть или могут быть найдены остатки славянской народности. Желательно было бы, чтобы г. Макушев посвящал на Италию столько же времени, сколько и на Турцию».⁷

Определение Италии главной целью такого рода командировки было, в сущности, новостью для славяноведения, и не только российского.⁸ Оно может быть объяснено только тем опытом и сознанием, который сформировался у самого Макушева в Дубровнике, и одновременно сотрудничеством Срезневского с Болонской университетской библиотекой (на что, возможно, инструкция и намекает там, где пишется об архивах, «в которых уже *найден* или, по крайней мере, *отмечено* много памятников».⁹

⁷ Лаптева 2005:605–606. Лаптева не уточняет, подписана ли инструкция, поэтому невозможно сказать, кем она написана, что было бы достаточно интересно узнать.

⁸ Но не в абсолютном смысле: следует упомянуть научную командировку Себастьяно Чампи в Италию, совершенную в 20-е годы XIX века по поручению Польского Королевства, результатом которой стали несколько томов *Bibliografia critica delle antiche reciproche corrispondenze [...] colla Russia, colla Polonia...* (1834, 1839, 1842) (Cronia 1958, 423). Однако ценная работа Чампи большого распространения среди славистов не имела.

⁹ О большой вероятности этого предположения свидетельствует и одно рекомендательное письмо, написанное Микеланджело Пинто в 1868 году для Макушева и адресованное неустановленному лицу, некоему неаполитанскому барону, чтобы тот помог русскому слависту справиться со своей задачей в Неаполе: «Il signor Macoucheff che vi porgerà queste linee è incaricato dall'Imperiale Ministero della Pubblica Istruzione di fare delle accurate indagini nei ricchissimi nostri archivi d'Italia per consultare codici, e rintracciare documenti destinati ad illustrare la storia slavonica e di arricchirne la scienza filologica» (“Г-ну Макушеву, который принесет вам эти строчки, поручено Императорским Министерством Народного Просвещения совершать тщательные исследования в наших богатейших архивах Италии, чтобы просмагивать рукописи и найти документы, которым суждено будет прославить славянскую историю и обогатить ее филологическую науку” (M. Pinto, lettera al barone <?>, Pietroburgo 4/16 feb. 1868. ОР РГБ, ф.156. оп.5. д.92).

Изначальный план путешествия был изложен Макушевым в письме Срезневскому от 3-го января 1868 г.:

Я предполагал бы провести зимние месяцы в Италии, преимущественно в Венеции, в архивах и библиотеках которой надеюсь найти много неизданных материалов для истории южных славян, особенно же далматинцев и дубровничан. Находясь в Венеции, я обратил бы также внимание на окрестные славянские колонии. И в других итальянских городах надеюсь найти также любопытные для славянской истории материалы, особенно же: в Генуе, бывшей с 1378 года главною дубровникою колониєю на средиземном море, во Флоренции, с которою дубровничане вступили в особенно деятельные сношения с половины XV века, – в Неаполе, Мессине, Сиракузах, и Палермо, и вообще в Южной Италии, с которою сносились адриатические славяне уже в IX веке и под покровительством которой находились дубровничане довольно значительное время. Я бы посетил существующий доньше на острове Сицилии город Рагузу, несомненно дубровническую колонию. Имея в виду преимущественно эти пункты, как особенно любопытные для меня, занимающегося дубровникою историею, я побывал бы также и в других местностях Италии, представляющих интерес для слависта, каковы: Падуа, Милан, Болонья и Рим.

Если бы четыре месяца оказались достаточны для Италии, то в мае я бы отправился в Турцию, – на шесть месяцев. Я бы начал с Константинополя, в котором, как я слышал, имеются любопытные славянские рукописи. Отсюда я бы съездил в мало-азийскую местность Карасу, представляющую некоторый интерес для нас русских. Отправясь морем из Константинополя в Солунь, я бы исследовал известную местность Гуменицу,¹⁰ а затем направился бы на Монастыри/Битоль, и Охриду, а оттуда на Призрен, от которого повернул бы на В.<осток> – на Ускюб и Базарджик, потом на С.<евер> – в Терново и Руцук;¹¹ там сел бы на пароход и отправился бы по Дунаю в Белград; оттуда через Сербию я проехал бы в Северную Боснию и Герцеговину, в которых не был А.Ф. Гильфердинг, и через турецкую Кроацию¹² прибыл бы наконец в Австрию. Таким образом я побывал бы и в сербских и в болгарских областях Турции, – в местностях, особенно важных для югославянской истории, а равно и в таких, которые малоизвестны славянским ученым.¹³

¹⁰ Гуменица, или Гуменджие, сегодня Гуменисса (Греция), была отмечена в 1845 г. В.И. Григоровичем как преимущественно болгарский городок. До начала XX века принадлежала Турецкой империи.

¹¹ Топонимы, указанные Макушевым, в основном турецкие: на сегодняшний день по-другому называются Битола (Битоль, по-гр. Монастири), Охрид (Охрида), Скопье (Ускюб) в Македонии, Пазарджик (Татар-Базарджик), Велико-Тырново (Терново) и Русе (Руцук) в Болгарии.

¹² т.е. южно-восточную Хорватию (области Крайна и Славония).

¹³ В.В. Макушев, Письмо И.И. Срезневскому, <СПб.> 3 января 1868. РГАЛИ, ф.436. оп.1. д.1282.

По плану Макушева, поездка должна была завершиться посещением западнославянских земель, что было, по его мнению, «крайне необходимо, но едва ли moguще сравниться по результатам, как мне кажется, с путешествием по Турции и Италии».¹⁴ В итоге реальная поездка сильно отличалась от запланированной. В Италии Макушев провел большую часть времени, отведенного на командировку. На турецких территориях он не был, Белград посетил мимоходом, возвращаясь в Россию. Итальянские города, в которых он оставался и работал, – это Венеция (в общем 18 месяцев), Неаполь (10 месяцев), Милан, Флоренция, Анкона (по три месяца), Болонья (2 месяца), а также Турин, Генуя, Палермо, Рим, Бари, Верона и Мантуя. Еще не вернувшись на родину, Макушев получил приказ о своем назначении профессором славянской филологии в Варшавском университете.

Эпистолярное наследие ученого еще ждет системного изучения, так же как и его деятельность вообще. Его фонд разбросан по разным архивам России, ОР РГБ и РГИА, а возможно, кое-что из него, невзирая на огромные военные утраты, еще сохранилось и в Варшаве.¹⁵ По первому, не систематическому, изучению некоторых итальянских архивов мне не удалось обнаружить ни значительных следов длительного пребывания русского слависта в Италии, ни особых свидетельств о его связях – как личных, так и научных – с итальянскими учеными и библиотекарями. Тем не менее, наличие нескольких писем, связывающих Макушева с итальянскими адресатами (прежде всего – письма, ему адресованные), позволяет составить мнение о различных сторонах его жизни и работы в Италии, о его отношении к этой стране и к людям, которые ему часто и усердно помогали. Таким образом, картина, которую мы способны представить, будет далеко не полной, более того, весьма фрагментарной, но все же достаточно полезной для того, чтобы составить представление о биографии и деятельности этого важного, но полузабытого славяноведа. Тот факт, что в большинстве случаев письма написаны по-итальянски, т.е. языком традиционно малозначимым для славяноведения, оправдывает одну из целей настоящей работы – переводческую, чтобы предоставить в распоряжение историков славяноведения материалы, которые относительно немногие могут читать

¹⁴ Там же.

¹⁵ См. Куза 1979, 232; но более осведомлена об этом Лаптева 2005. Ср. также: Лаптева 2007)

в оригинале. Кстати, одна из выдающихся сторон эрудированности Макушева, отмеченной его учителем И.И. Срезневским и другими современниками, состояла именно в его блестящем знании многих языков, в том числе итальянского и латыни. Это позволяло ему заниматься историей связей между итальянскими государствами и Польшей, Дубровником, Албанией, Сербией – вообще историческими связями между Апеннинским полуостровом и славянским миром.

Судя по найденным письмам от итальянских адресатов, складывается впечатление, что личные отношения Макушева с людьми были несколько сложными, что подтверждается и воспоминаниями о его деятельности в качестве профессора Варшавского университета (см. Лаптева 2005, 624). Макушев никогда не имел семьи, что и позволяло ему долгие годы путешествовать; он был резок в полемиках. Современники ставили ему в упрек и чрезмерную сухость, дотошность, не дающую места «фантазии, которая дает поэтическую окраску и философский полет сухим научным построениям». ¹⁶

Письма итальянских корреспондентов Макушева, в общем, пропитаны глубоким к нему почтением, а иногда и восхищением его научными знаниями, но не указывают на особую фамильярность. Например, туринскому литератору Анджело Анджелини пришлось защищать свою страну от нападок Макушева, высказавшегося в письме из Палермо крайне отрицательно об Италии и о невежестве ее обитателей. Гнев Макушева вызвало то, что итальянцы якобы называют русских «варварами» и «казаками». Анджелини отвечает своему русскому адресату мягко и миролюбиво, призывая его к более объективному суждению: не надо «валить все в одну кучу», таково мнение далеко не всех итальянцев, аргументирует Анджелини...

Scommetto che avete scritto quella lettera sotto la impressione di qualche brutto scherzo de' lazzaroni di Palermo, e perciò vi siete sfogato magnificandovi l'azione di squisita compitezza de' vostri connazionali rimproverandoci che noi vi chiamiamo *barbari e cosacchi*. Io credo che voi abbiate esagerato assai ed abbiate in un momento di collera messo in un fascio tutta l'Italia e tutti gl'Italiani. Io se avessi da giudicare la Russia da Voi e da qualche altro vostro connazionale che ho avuto il piacere di conoscere a Roma, debbo dire che la vostra nazione è una nazione di dotti. ¹⁷

¹⁶ А.С. Будилович, цит. по Лаптева 2005, 626.

¹⁷ «Бьюсь об заклад, что Вы написали то письмо под впечатлением какой-то злой шутки палермских мошенников, и что поэтому Вы сорвали вашу досаду восславляя изысканность и утонченность манер ваших соотечественников, тем же и упрекая нам за то, будто мы вас называем *варварами*

В письмах австрийца Д. Линднера, работавшего библиотекарем в Венеции, упоминаются имена людей, с которыми Макушев был в приятельских отношениях в периоды своего пребывания в Венеции. Что интересно, Линднер был лично знаком и с другими русскими славистами: со Срезневским (вероятно, не с Измаилом Ивановичем, а с его сыном Вячеславом Измайловичем, также работавшим в итальянских архивах), с Н.В. Бергом и В.И. Ламанским. К сожалению, до сих пор мне не удалось найти никаких сведений ни о личности Линднера, ни о наличии какого-либо его эпистолярного наследия в венецианских или других архивах. Его письма к Макушеву пропитаны дружелюбием, но отражают и скромность человека, сознающего некое свое неравенство по отношению к русскому ученому. Очевидно, Макушев вспоминал с удовольствием людей, с которыми он познакомился во время своего долгого пребывания в Венеции, и вел с Линднером нерегулярную переписку; Линднер был в курсе некоторых распрей Макушева с Бергом и Ламанским:

E Lei come sta nella sua Varsavia? Come va la guerra coi Polacchi? Non le domando come stanno Berg e Lamanski perché è in collera con loro, bensì la prego di salutarmi i Signori Andreev. Come sta Sresnyewzky?¹⁸

Представляет некоторый интерес и одно письмо барона Винченцо Мортилларио (1806–1888), историка и эрудита из Палермо, который помогал Макушеву в исторических исследованиях в архивах Сицилии. По просьбе Макушева, летом 1871 года Мортилларио хлопотал

и казаками. Я думаю, что Вы очень преувеличили и что в минуту ярости Вы валили всю Италию и всех итальянцев в одну кучу. Если бы мне пришлось судить Россию по Вам и по некоторым другим вашим соотечественникам, с которыми я имел удовольствие познакомиться в Риме, я должен был бы сказать, что ваша страна – страна ученых» (A. Angelini, lettera a V.V. Makušev, Torino 5 di Marzo 1870. ОР РГБ, ф.156. оп.5. д.20).

18 «А Вы как поживаете в вашей Варшаве? Как идет война с Поляками? Не спрашиваю вас, как поживают Берг и Ламанский, потому что Вы на них гневаетесь, напротив прошу вас передать от меня привет Господам Андреевым. Как поживает Срезневский?» (D. Lindner, lettera a V.V. Makušev, Venezia 20 Nov 1874. ОР РГБ, ф.156. оп.5. д.79). Под «войной» с поляками следует, видимо, понимать конфликты русофила и националиста Макушева с польскими студентами и коллегами. А отношения с Ламанским были у Макушева напряженные уже в период путешествия в Италии, как показывают жалобы на Ламанского, часто встречаемые в его письмах Срезневскому. Другое, более позднее письмо Линднера (от 9 января 1880) свидетельствует о том, что к нему в библиотеку заходили в тот период Берг и один из учеников Макушева – Гриценко.

о предполагавшемся приезде на Сицилию И.И. Срезневского, чтобы предоставить русскому ученому сопровождение и помощь:

No prevenuto Lumia pel prof. Ismaele Sresnewsky di cui parla la vostra del 9 Agosto: faremo ogni opera perché rimanga soddisfatto e agevolato nelle sue ricerche e lo farò avvicinare a qualcuno dei nostri migliori letterati come Monsignor Gravina illustratore del tempio di Monreale e 'l canonico Sanfilippo distinto storico e custode del Tabulario importantissimo della nostra cattedrale.¹⁹

В общем, письма итальянских корреспондентов Макушева указывают, хоть и несколько скудно, на его хорошую способность «войти в среду», вызывать уважение и даже симпатию, и на старательность, с которой итальянские интеллектуалы, с ним познакомившиеся, помогали ему в поиске архивных материалов, в составлении рекомендательных писем и в решении бытовых и технических вопросов.

Среди этого небольшого итальянского наследия самыми интересными представляются письма Джованни Де Рубертиса (1813–1889), италославянского интеллектуала-самородка, который первым опубликовал в Европе сведения о существовании малочисленной общины итальянских хорватов, сосредоточенной в горах области Молизе, в средней Италии (Kranj 1993, 211–212; Стипчевић 2007, 287). Де Рубертис начал заниматься изучением языка и культуры этой крошечной и изолированной славянской общины в 1853 году, после своего эпистолярного знакомства с далматинским литератором Медо Пуичичем (см. Rešetar 1997, 2–6; De Rubertis 1856; Де Рубертис 1858);²⁰ а Макушев, который вместе с болгарским приятелем, историком Марином Дриновым, находился несколько дней на территории Молизе в самом начале мая 1870 года, оказался первым славистом, посетившим те старинные южнославянские поселения.²¹ Его путешествие из Неаполя в Молизе было непростой

¹⁹ «Я предупредил Лумиа для проф. Измаила Срезневского, о котором пишется в вашем письме от 9 Августа: сделаем все возможное для того, чтобы он остался довольным и облегчить его исследования и познакомим его с некоторыми из наших лучших литераторов, как монсиньор Гравина, прославляющий храм Монреале, и каноник Санфилиппо, выдающийся историк и хранитель важнейшего Табулария нашего кафедрального собора» (Vincenzo Mortillaro, lettera a V.V. Makušev, Palermo 22 Agosto 1871. ОР РГБ, ф. 156. оп.5. д.83).

²⁰ Обширную библиографию о молизских славянах см. в приложении Вальтера Бреу к Rešetar 1997, 286–294.

²¹ В 1862 году, т.е. за несколько лет до этого, Макушев познакомился в Дубровнике с Медо Пуичичем, который дал международную известность Де Рубертису и молизским славянам («В Рагузе я познакомился с Поццо и Каз-

задачей: в 1870 году еще не существовало дорог, ведущих к маленьким горным селам молизских славян, так что от определенного места приходилось добираться тропинками; более того, область была настоящей глушью, населенной разбойниками. В неизданной автобиографической рукописи под названием *Десять месяцев за границей* сам Макушев с тревогой вспоминает неприятности путешествия:

... думаю про себя, и невольно приходит мне на мысль корчма в Молизе (в южной Италии), в которой я и спутник мой, М.С. Дринов, провели такую беспокойную и неприятную ночь, отправляясь к братьям славянам в Воду Живу, – корчма – притон абруцских бандитов, о которых мы достаточно слышали в Неаполе...²²

Два письма Де Рубертиса Макушеву, написанных вскоре после отъезда русского слависта с болгарским историком из Молизе, свидетельствуют о свежих, очень ярких впечатлениях, оставленных в селе Аквавива Коллекроче (Вода Жива – Круч) двумя славянскими путешественниками. «В душе всех моих сограждан и родственников, – пишет Де Рубертис, – несмотря на ваше недолгое пребывание (о чем все безмерно жалеют) ваше имя останется запечатленным несмываемыми буквами».²³ Идея о славянском собратстве пленяла Де Рубертиса и жителей Аквавивы, факт приезда славян из далеких стран с целью ознакомления с той изолированной общиной вызвала у них настоящий восторг. «Ах, Славяне, чтоб ни говорил об этом этнограф г. Веджецци-Рускалла,²⁴ любят друг друга истинным сердцем; и лишь только они приветствуют друг друга сладким именем брата (brat)! Эх, если бы Славяне были одной нацией, единственной

начичем...»: В.В. Макушев, Письмо И.И. Срезневскому, Рагуза 5/17 Марта 1862. РГАЛИ, ф.436. оп.1. д.1282). Ввиду общего интереса Пулича и Макушева к истории южных славян, можно предполагать, что существование славянских поселений в Молизе было одной из тем разговоров между русским историком и дубровчанским литератором.

²² В.В. Макушев, *Десять месяцев за границей. Путевые заметки и наблюдения*. <1881>. ОР РГБ, ф.156. оп.4. д.7. л.16.

²³ G. De Rubertis, lettera a V.V. Makušev, Acquaviva 28 Maggio 1870. ОР РГБ, ф.156. оп.5. д.102. Полный текст писем Де Рубертиса в оригинале – см. в приложении.

²⁴ Джовенале Веджецци-Рускалла издал в 1864 году небольшую книжку о Молизских славянах, научное значение которой критиковали как Де Рубертис, так и Макушев и другие исследователи: G. Vegezzi-Ruscalla, *Le colonie serbo-dalmate del circondario di Larino, provincia di Molise. Studio etnografico*, Torino, 1864.

семьей! Но судьбы народов зреют в Божьих помыслах! Да положимся на Божье Провиденье = Neka čini Bog!...». Во время пребывания в Аквавиве, Макушев беседовал с Де Рубертисом о южнославянских народных песнях с целью обмена информацией и их сравнения. Он сделал значительное количество записей и попытался проверить и дополнить скудные сведения об их диалекте, собранные итальянскими лингвистами (Дуличенко 1981, 97–101). Макушев обещал переписать для итальянского гостя и текст одной южнославянской народной песенки, “Tri dibóke, ceter širóke”.²⁵ В первом письме Де Рубертис напоминает Макушеву о той песне и о его «долге» – переписать ее латиницей. Из второго письма узнаем, что Макушев из административного центра Молизе, Кампобассо, ответил Де Рубертису и отправил ценную для него песенку. Тот поспешил перевести ее на итальянский и предложил Макушеву свой перевод для проверки. В этом письме Де Рубертис спрашивает и о Дринове, употребляя славянский диалект Аквавивы (или, скорее всего, смесь этого диалекта со стандартным сербскохорватским, явно заботясь о том, чтобы его адресат все понял и оценил):

А Дринов? Ni *govere*, ni piša! Šta čini? Zaspel! Blago njemu! Kada mu pišeš, potežimu uše! Zdravo.

Ответил ли Макушев на это второе письмо – пока не удалось установить. Вероятно, ответа не было, и Де Рубертис сам перестал, по всей видимости, писать русскому слависту. Однако из этого не следует делать вывод, что краткосрочная поездка в Молизе была для Макушева неинтересной; напротив, по живым впечатлениям он написал большую научную статью, содержащую множество новых для славистики того времени сведений и предположений, и тут же отправил ее Срезневскому с просьбой о публикации:

Милостивый Государь,
Измаил Иванович.

Из присланной при сем статьи Вы узнаете о результатах поездки моей в Молизе. Будьте так добры, постарайтесь, чтобы она была напечатана и чтобы мне выдали за нее, кроме гонорара, хоть и 25 оттисков (я обещал Де Рубертису оттиск).²⁶

²⁵ Де Рубертис передает стих по слуху на своем неточном сербскохорватском, смешанном с диалектом (на котором звучало бы вероятно «Tri **dimbóke**, ceter širóke».

²⁶ В.В. Макушев, Письмо И.И. Срезневскому, Неаполь 28 апреля/10 Мая 1870. РГАЛИ, ф.436. оп.1. д.1282.

Очевидно, Макушев рассчитывал на большой интерес Срезневского к этим результатам.²⁷ Знаменательно, что процитированное имя Де Рубертиса не требовало разъяснений как хорошо известное в области славистики. Письмо показывает и желание оказать фактическую благодарность моллизскому энтузиасту за помощь и за гостеприимство. Однако печатание статьи, действительно вызвавшей интерес Срезневского «по новости сообщаемых в ней сведений» (Срезневский, цит. по Дуличенко 1981, 98), произошло не так скоро, как надеялся Макушев, а угодить Де Рубертису оттиском, наверно, ему и не удалось. В середине июня того же 1870 года Макушев снова обратился к Срезневскому, теперь из Анконы, настаивая на публикации своей статьи: «Я надеюсь, что Вы получили статью мою о Воде Живе и что постараетесь напечатать ее где-нибудь с условием однако, чтобы мне дали гонорар и оттиски. Мои надежды на Бари не оправдались;²⁸ но здесь, в Анконе, я нашел много любопытного и важного».²⁹ Наконец, уже в 1871 году статья под названием *О славянах Моллизского графства в Южной Италии* вышла в «Записках Императорской Академии Наук». Получил ли Макушев оттиски публикации – установить по имеющимся его письмам Срезневскому не удалось.

Макушев был историком, а не языковедом: после выхода статьи о моллизских славянах, существование которых могло представлять интерес скорее для лингвистики и для фольклористики, чем для историографии, он больше не обращался к этой теме. Уже во вре-

²⁷ Уже за месяцы до поездки в Молизе Макушев начал извещать Срезневского о своем намерении посетить те славянские поселения. В письме из Неаполя от 7/19 декабря 1869 он объяснял, что «Если же Министерство позволит мне остаться за-границею еще на год, то через месяц я отправлюсь из Неаполя в Палермо и сицилийскую Рагузу, а весною объеду Апулию и Аbruццы для отыскания в них остатков славянских поселений. По окончании этой поездки переправлюсь в Албанию, а оттуда посету Македонию» (РГАЛИ, ф.436. оп.1. д.1282). А полтора месяца спустя, уже из Палермо, Макушев писал, что «Здесь думаю пробыть с месяц, а потом, вероятно, вернуться в Неаполь, чтобы отсюда предпринять поездку по славянским колониям в Апулии и Аbruццах, где, по собранным мною сведениям, доселе сохранился славянский язык и южносербские песни» (В.В. Макушев, Письмо И.И. Срезневскому, Палермо 28 января /7 февраля 1870. Там же).

²⁸ Макушев имеет в виду надежду найти «много греческих грамот в капитуле Св. Николая» – см. В.В. Макушев, Письмо И.И. Срезневскому, Неаполь 28 апреля / 10 мая 1870. РГАЛИ, ф.436. оп.1. д.1282.

²⁹ В.В. Макушев, Письмо И.И. Срезневскому, Анкона 12 июня н.ст. 1870. Там же.

мя своего путешествия в Аквавиву Макушев намеревался изучить не только славянские, но и албанские колонии в южной Италии. Только отсутствие финансовых средств помешало ему отправиться из Апулии в Албанию, а его исследования в последующие месяцы приняли все более четкое направление в сторону истории Албании. Эти причины достаточны, чтобы объяснить прекращение контактов с Джовани Де Рубертисом. А Де Рубертис встречал, после Макушева, и других славистов, таким образом продолжая деятельность усердного и своеобразного «экскурсовода» по культуре и диалекту молизских хорватов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПИСЬМА ДЖ. ДЕ РУБЕРТИСА В.В. МАКУШЕВУ

1. *Аквавива Коллекроче, 28 Мая 1870*³⁰

Onorevole Signore

Grazie distintissime della sua fotografia rimessami, e che tanto al vivo ritrae le sue sembianze; come pure dell'affetto e della memoria che Ella serba per me, e per tutti i miei concittadini, e congiunti, nell'animo de' quali, non ostante la sua breve dimora, (di che tutti sono dolentissimi) il suo nome reterà scolpito a caratteri indelebili. Oh gli Slavi, checchè ne dica l'Etnografo Sig. Vegezzi-Ruscalla, si amano di vero cuore; ed essi soli si scambiano il saluto col dolce nome di fratelli, (brat)! Oh se gli Slavi formassero una sola nazione, una sola famiglia!.. Ma i destini de' popoli si maturano ne' disegni di Dio! Rimettiamoci adunque alla Divina Provvidenza = Neka cini Bog!..

Nulla mi dice del suo compagno di viaggio, del caro Drinoff! S'ignora se Egli sia in Pesaro, o in Roma; dappoichè il Vescovo Vetta,³¹ nostro concittadino e congiunto, a cui mio nipote³² raccomandavalo, nulla ci scrive! O forse la perdita del potere temporale conturba in modo le viscere, e le menti de' nostri Prelati, da porre in oblio congiunti, ed amici?³³

³⁰ Я не сопровождаю письма Де Рубертиса полным русским переводом, так как они, на мой взгляд, интересны только приведенными выше выдержками. Де Рубертис любил писать подробно о деталях своей жизни, в особенности о своих общественных должностях, тем самым подчеркивая солидность своего социального статуса внутри молизского, крайне провинциального, общества.

³¹ Речь идет о Луиджи Ветта, епископе апулийского исторического городка Нардо. Макушев и Дринов были намерены отыскать албанские и бывшие славянские поселения в соседней с Молизе Апулией. После совместного путешествия в Аквавиву они разъехались: Макушев в направлении Анконы, Дринов – на юг.

³² Внук (или племянник) Де Рубертиса – вероятно, адвокат Анджело Ветта (1837–1901), родственник и вышеупомянутого епископа; вместе с Де Рубертисом А. Ветта в 1885 году был избран членом-корреспондентом «Сербского ученого Общества» (Ковачић 1885, 273–340; Cronia 1958, 506; Стипчевић 2007, 47).

³³ Рим будет занят итальянскими войсками 20 сентября 1870 года, после долгих дипломатических усилий: светская власть Папства зависела от покровительства Франции, а к лету 1870 года франко-прусский кризис предвещал, вместе с поражением Наполеона III, возможность присоединить

Oh le umane vicende! In Roma un tempo ben altrimenti si discutevano le sorti de' Principi, e de' popoli!

Ella mi è debitore di una canzonetta e propriamente di quella che termina «Tri dibòke, ceter širòke». Si compiaccia adunque trascriverla per intero, servendosi de' caratteri latini, e rimettendomela prima che si risolva a lasciare cotesta città.

Qui acchiuse troverà due commendatizie per Lei, dirette a cotesto ottimo Prefetto, e Senatore del Regno, Cav^o Nicola de Luca.³⁴ Queste raccomandazioni potranno riuscirle di sommo vantaggio.

Il Sindaco, il Clero, ed i gentiluomini, le ritornano i saluti; i miei la ossequiano distintamente, ed io stringendola al mio cuore, mi pregio di essere

Acquaviva 28 Maggio 1870

Suo Amico vero

Giov. de Rubertis

2. <Аквавива Коллекроче>, <конец июня-начало июля 1870>

Onorevole Signore

Non ho potuto rispondere subito alla gratissima sua lettera del dì 14 corrente mese, perché chiamato dal Prefetto della nostra Provincia, fui costretto trattenermi in Campobasso una quindicina di giorni, onde sistemare alcune operazioni demaniali, da me eseguite in Settembre dello scorso anno. Il Prefetto Cav^o Cammarota è stato traslocato in Pavia; e prima di lasciarci, ha voluto regolarizzare tutte le operazioni eseguite relativamente a' Demani; e quelle iniziate da me, nella qualità di Agente Demaniale, o Delegato Governativo, erano, se non le più difficili, almeno le più gravi ed importanti. Ho dovuto quindi scarabocchiare lunghissimi fogli di carta, e basta dirle che io era costretto lavorare nove ore al giorno! È veramente da meravigliare! Quando vi ha tempo, i Signori

территорию Рима к Италии. Де Рубертис как убежденный патриот Италии намекает с иронией на волнение духовенства перед этими приготовлениями.

³⁴ Никола Де Лука (Кампобассо, 1811–1885), член Королевского Сената Италии, патриот, активный участник борьбы за объединение Италии и политической жизни первых десятилетий нового государства, служил в 1870 году префектом в г. Анкона, куда Макушев отправился после посещения молизского края. Из второго письма Де Рубертиса становится известно, что Де Лука оказал гостеприимство и помощь русскому слависту, который нашел в архивах Анконы много весьма интересных исторических материалов.

Prefetti dormono... *Dormitat Homerus!* Quando non vi ha tempo, (ed io non avrei potuto affatto disporne) allora, *to, to, to*, si suona la tromba, e si batte il tamburo! Ma così vanno, e debbono andare le cose in questa nostra Italia, che, al dire del Giordani, sembra di giorno in giorno divenire meno Italiana!!!

Ieri feci ritorno in famiglia, e le rispondo.

Mi rallegro che il Prefetto Signor de Luca l'abbia accolto molto bene (primio jako ljepo). Egli è uomo di grande erudizione, e, come ha potuto convincersene, ha conoscenze, e relazioni molto estese; e però quanto le disse riguardo al <Vušić>,³⁵ non è da meravigliare.

Grazie mille della canzonetta. Io l'ho tradotta con facilità; e nel rimetterle la mia versione, vorrei da Lei conoscere, se abbia ben tradotta, affinché potessi verseggiarla.

Quando le riuscirà, mi mandi la *Camicia insanguinata* (Košulja krvava) del Sundečić.³⁶ Il Sindaco e tutti i miei concittadini la salutano. Addio
Suo Amico

Giov. de Rubertis

Canzonetta Popolare Slava³⁷

Versione

È bello sorgere di buon mattino,
In sull'aurora; quando l'usignuolo canta!
L'usignuolo canta, e saltella intorno al pozzo;
Sul pozzo vi ha un foglio di carta bianca,
E sulla carta sono scritte lettere rare.
Egli è peccato amare le fanciulle,
Amarle, e poi lasciarle,
Abbracciarle, e poi dimenticarle!
*Che (Perché) sono gravi le lagrime³⁸ d'una fanciulla!
Quando impreca è udita da Dio!

³⁵ Нрзб. Мне не удалось установить, о ком идет речь. Фамилия может быть Vušić или Vujić.

³⁶ *Krvava Košulja*, поэма сербского литератора и богослова Йована Сундечича (1864).

³⁷ Песня известна под названием «Djevojačka kletva»: «Lepo ti je rano uraniti / Pred zoricu na jednu ugicu...», и т. д. Возможно, Макушев знал песню в варианте, изданном А. Брличем в загребском журнале «Kolo»: *Kolo. Članci za literaturu, umjetnost i narodni život*. Ur. Stanko Vraz, knj.V, Tiskarnja Matice Hirske u Zagrebu, 1847, 55.

³⁸ *Imprecazioni = klétve* (примеч. Де Рубертиса).

Quando sospira, trema tutta la terra!
 Quando una sua lagrima cade in terra
 Vi si sprofonda per tre palmi addentro,
 Tre in profondità e quattro in larghezza.

Osservazioni

Sarebbe forse più regolare il dire così: Quando sospira è udita da Dio; e quando impreca trema tutta la terra – Che le pare? Approva una simile sostituzione? Iddio sente i sospiri, e non le imprecazioni; al cui suono trema la terra! Vorrei un suo giudizio.

addio

* *Jer su težke djevojačke kljetve*

Giov. de Rubertis

E Drinoff? Ni *govere*, ni piša! Što čini? Zaspel! Blago njemu! Kada mu pišaš,³⁹ potežimu uše! Zdravo



Иллюстрация 1 Джузеппе Де Рубертис



Иллюстрация 2 В.В. Макушев

³⁹ нрзб.: pišaš или pišeš (?).

Литература

- Aloe S. 2008. Una lettera inedita di Izmail Ivanovič Sreznevskij ad Emilio Broglio, ministro del Regno d'Italia. In: *Die slavischen Grenzen Mitteleuropas*. Festschrift für Sergio Bonazza, Hrsg. von S. Aloe, München, 23–31.
- Bonazza, S. 1980. *Bartholomäus Kopitar, Italien und der Vatikan*. München.
- Bonazza, S. 1982. Gli esordi della filologia slava in Italia. *Europa orientalis*, I, 77–81.
- Cronia A. 1958. *La conoscenza del mondo slavo in Italia*. Padova.
- Dell'Agata G. 1994. Filologia slava e Slavistica. In: *La slavistica in Italia. Cinquant'anni di studi (1940–1990)*, a cura di G. Brogi Bercoff et alii. Roma, 11–41.
- De Rubertis G. 1856. *Delle colonie Slave nel Regno di Napoli*. Lettere del professore Giovanni De Rubertis. Zara (впервые в: *Osservatore dalmato*, 1856).
- Guida F. 1998. *Michelangelo Pinto: un letterato e patriota romano tra Italia e Russia*. Roma.
- Krpan S. 1993. De Rubertis, Giovanni (Ivan). In: *Hrvatski biografski leksikon*, v.3, Zagreb, 311–312.
- Rešetar M. 1997. *Le colonie serbocroate nell'Italia meridionale*, a cura di W. Breu e M. Gardenghi. Campobasso (в оригинале: *Die serbo-kroatischen Kolonien Südtaliens*. Wien, 1911).
- Алексеев М.П. 1962. Микеланджело Пинто. Несколько данных к его характеристике по русским источникам. In: *Studi in onore di Ettore Lo Gatto e Giovanni Maver*. Roma, 23–41.
- Бернштейн С.Б. 1979. Григорович Виктор Иванович. In: *Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь*. Москва, 131–134.
- Бернштейн С.Б. Досталь М.Ю. 1979. Срезневский Измаил Иванович. In: *Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь*. Москва, 318–321.
- Де Рубертис И. 1858. Славянские поселения в Неаполитанском королевстве. Письма тамошнего учителя Иована де Рубертис. *Чтения при Имп. Обществе истории и древностей российских при Моск. ун-те*. январь–март. кн. I, 3–29 (перевод и предисловие О.М. Бодянского).
- Дуйчев И. 1968. *Болонски Псалтир, български книжовен паметник от XIII в.* София.
- Дуличенко А.Д. 1981. Диалект молизских славян Италии и русская славистика XIX – начала XX вв. In: *Из истории славяноведения в России. Труды по русской и славянской филологии (УЗ Тартуского Гос. Ун-та, 573)*. Тарту, 95–109.
- Ковачић Р. 1885. Српске насеобине у Јужној Италији In: *Гласник Српског Ученог Друштва*, т.62, 273–340.
- Куза Л.Г. 1979. Макушев Викентий Васильевич. In: *Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь*. Москва, 231–232.
- Лаптева Л.П. 2005. *История славяноведения в России в XIX веке*. Москва, 595–669.
- Лаптева Л.П. 2007. И.И. Срезневский и отношение к нему его учеников (по данным писем В.В. Макушева). In: *И.И. Срезневский и история славяно-русской филологии: тенденции в науке, образовании и культуре*. Рязань, 120–125.
- Макушев В.В. 1870. *Итальянские архивы и хранящиеся в них материалы для славянской истории*. Санкт-Петербург, 3 тт.

- Макушев В.В. 1871. О славянах Молизского графства в Южной Италии. In: «Записки Имп. АН», т.18, кн.1, 31–56.
- Макушев В.В. 1874. *Исторические памятники южных славян и соседных им народов, извлеченные из итальянских архивов и библиотек*. Варшава.
- Срезневский И.И. 1868. *Древние славянские памятники южного письма. Обзорение*. Санкт-Петербург.
- Срезневский И.И. 1879. *Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках*. Санкт-Петербург, LXXXI-XC.
- Стипчевић Н. 2007. Никић Љ., Жујовић Г., Радјочић-Костић Г. *Грађа за биографски речник чланова Друштва Српске Словесности, Српског Ученог Друштва и Српске Краљевске Академије (1841–1947)*, ур. ак. Н. Стипчевић, Београд.
- Ягич И.В. 1910. *История славянской филологии* (Энциклопедия славянской филологии, вып.1). Санкт-Петербург.

РЕЗИЈОМЕ

Статья посвящена итальянским контактам В.В. Макушева, первого слависта, посвятившего специальное и детальное внимание архивам Италии, где он собрал огромное количество ценных исторических материалов почти за три года (1868–1870). Макушев за это время вошел в контакт с большим количеством итальянских деятелей культуры: с библиотекарями, литераторами, профессорами – получая от них поддержку в исследованиях и зачастую приятельское расположение. Письма итальянских корреспондентов русского слависта освещают отдельные моменты его деятельности, его связи с И.И. Срезневским и с другими выдающимися славистами. Особо интересной представляется поездка Макушева (вместе с М.С. Дриновым) в южно-итальянский край Молизе с целью ознакомления с сохранившимися там древними славянскими поселениями. Таким образом, он был первым славистом, посетившим «молизских славян», о чем доложил в научной статье, опубликованной в России в 1871 году. В Молизе, в селе Аквивива-Коллекроче, его встретил Дж. Де Рубертис – первый популяризатор и представитель культуры той маленькой южнославянской общины. Энтузиазм Де Рубертиса, вызванный «братьями славянами», посетившими его село, отражен в двух его письмах Макушеву, которые публикуются здесь впервые.

SUMMARY

The paper is dedicated to the Italian correspondents of V.V. Makušev, the first slavist who chose Italian archives for special and detailed researches. For more than two years (1868–1870) Makušev issued in Italy a plenty of historical documents; meanwhile he took contacts with several Italian men of culture (librarians, scholars, intellectuals), who friendly welcomed him and helped him in his issues. The letters of the Italian corre-

spondents to the Russian slavist make clear some aspects of his researches, they contain informations about I.I. Sreznevskij and other important slavists of the time. One of the topic moments in Makušev's permanence in Italy was his journey with the historian M.S. Drinov to the Southern-Italian region of Molise; in fact he was the first slavist who visited the little old Molisean Slavic colonies. The results of this short expedition were shown and explained in a scientific article published in Russia (1871). In the Molisean-Slavic village of Acquaviva-Collecroce Makušev met Giovanni De Rubertis, the main representative and popularisator of the language and culture of that little Slavic insula. The enthousiastical reaction of De Rubertis for the "brothers-Slavs" who had been visiting his community is reflected in his two letters to Makušev which are firstly published here.

